

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виталий Барабаш

В статье освещаются место и эволюция проблемы границ в геополитике СССР и польского эмигрантского правительства в 1939—1945 гг. Ведущая роль в борьбе против фашистского блока дала возможность СССР последовательно реализовывать свою программу формирования послевоенных границ в Восточной Европе. На Тегеранской конференции 1943 г. и Ялтинской конференции 1945 г. линия Керзона была признана как основа советско-польской границы. Автор пришел к выводу о том, что решение «проблемы Беларуси» было подчинено геополитическим интересам великих держав.

Ключевые слова: геополитика; национальная политика; польский лондонский лагерь; Польша; советско-польская граница; советско-польские отношения; СССР.

«The Problem of Borders in Soviet-Polish Relations during World War II» (Vitaly Barabash)

The article considers the place and evolution of the border problem in the geopolitics of the USSR and the Polish emigrant government in 1939—1945. The leading role in the struggle against the fascist block gave the USSR an opportunity to implement consistently its programme of forming post-war borders in Eastern Europe. At the Tehran Conference of 1943 and the Yalta Conference of 1945, the Curzon Line was recognised as the basis of the Soviet-Polish border. The author came to the conclusion that the solution of the «Belarus problem» was subjected to the geopolitical interests of the great powers.

Keywords: geopolitics; national policy; Poland; Polish London camp; Soviet-Polish border; Soviet-Polish relations; USSR.

Проблемы советско-польских отношений в период Второй мировой более семи десятилетий являются объектом пристального внимания отечественной и зарубежной историографии. Несмотря на следование официальной доктрине, ряд изданий СССР и ПНР содержат обширный и ценный фактографический материал, в котором затрагивается решение «белорусского вопроса» в советско-польских отношениях [6; 10; 18—20; 32; 43].

Большие заслуги в исследовании темы в условиях отсутствия моноидеологического давления принадлежат представителям западной историографии, включая польскую эмиграцию. Однако многие публикации зарубежных исследователей отличаются субъективностью и тенденциозностью [25; 31; 35; 44].

В результате процесса демократизации на рубеже 1980—1990-х гг., открытия доступа к неизвестным ранее источникам были созданы условия для многопланового научного изучения истории Второй мировой войны. Вышедшие в Польше документы и монографии, прежде всего таких авторов как Ю. Туронок (переиздано в Вильнюсе) [21], Е. Дурачиньски [26], П. Еберхардт [27], В. Михович [30],

Я. Слюсарчик [42] и др., предоставляют возможность воссоздать более достоверную картину выработки внешнеполитического курса эмигрантского правительства, столкновения при его реализации с интересами советской стороны в борьбе за статус территории Беларуси.

Важную роль в расширении представления о проблеме играют исследования историков России. Масштабная работа осуществлена ими по изучению и изданию неизвестных прежде источников, посвященных дипломатической истории 1939—1945 гг. [5; 14]. Введение в научный оборот новых архивных документов в трудах М. Мягкова [8], В. Печатнова [11], О. Ржешевского [13] и др. позволяет детальнее рассмотреть позицию СССР и польского эмигрантского правительства в отношении Беларуси в годы войны.

Вопросы названной темы нашли отражение в историографии Республики Беларусь. В своих работах А. Великий [4], В. Снапковский [16], С. Хомич [22] рассматривают определение советско-польских рубежей как одну из самых сложных проблем в отношениях держав антигитлеровской коалиции.

Автор:

Барабаш Виталий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, директор ПОДО «Термострой», e-mail: vitali.barabash@yandex.by
ПОДО «Термострой». Адрес: 14а, ул. Гаспадарчая, г. Гродно, 230005, БЕЛАРУСЬ

Author:

Barabash Vitaly — Candidate of History, Associate Professor, Director of the Termostroy production company, e-mail: vitali.barabash@yandex.by
Termostroy production company. Address: 14a, Gaspadarchaya str., Grodno, 230005, BELARUS

Изданные отечественные и зарубежные публикации позволяют существенно расширить представление о процессе формирования западной белорусской границы в период Второй мировой войны. Однако при всех достижениях исторической науки проблема требует дальнейшего всестороннего и комплексного освещения.

Геополитическое положение Беларуси во многом предопределило ее драматическую историю. Территория нашей страны нередко становилась ареной ожесточенного противоборства соседних государств и цивилизаций. Изучение опыта советско-польского геополитического противостояния в период Второй мировой войны становится особенно актуальным в настоящее время, когда отношения между соседями Беларуси приобрели выраженный конфликтный характер.

Цель данной статьи — на основе современных исследований и новых источников представить основные этапы, методы и результаты борьбы между СССР и польским эмигрантским правительством в процессе формирования советско-польской границы в 1939—1945 гг.

Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. кардинально изменило международную обстановку в Европе. В результате поражения Польской Республики и советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г. была установлена новая граница СССР с Германией — территория Западной Беларуси отходила к Советскому Союзу. 2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР, а 14 ноября 1939 г. Верховный Совет БССР законодательно оформили включение Западной Беларуси в состав Советского Союза и объединение с Белорусской ССР [6, т. 7, с. 184—185].

После поражения Польши началось восстановление ее высших государственных органов в эмиграции. 30 сентября 1939 г. во Франции было образовано новое правительство Польши во главе с В. Сикорским [41, с. 189].

Вступив в борьбу с Германией за возрождение независимой Польши, польское эмигрантское правительство оказалось также в противостоянии политике СССР. Это нашло отражение в принятых 15 августа 1940 г. правительством Польши в изгнании программных тезисах внешней политики. Главным условием нормализации советско-польских отношений в документе выдвигалось признание межгосударственной границы до сентября 1939 г. [43, с. 176—178], что отвергало исторический акт воссоединения белорусского народа.

У союзников Польши (Франции и Великобритании) включение ее восточных территорий в состав СССР, сопровождавшееся заявлениями советского правительства о нейтралитете в войне, вызвало сдержанную реакцию. Границы Рижского договора 1921 г. французское и английское правительства не считали незыблемыми [30, с. 135; 32, с. 1, с. 144].

Нападение Германии на СССР в 1941 г. вызвало насущную необходимость для советского руководства поиска союзников в противостоянии агрессору. В развернувшемся процессе образования антифашистской коалиции на повестку дня встал вопрос восстановления официальных отношений между СССР и польским эмигрантским правительством. Предпринятые с этой целью в июле 1941 г. в Лондоне переговоры выявили серьезные противоречия. Намерением премьера В. Сикорского являлось восстановление границы с СССР согласно Рижскому договору 1921 г. Советская сторона в лице посла И. Майского выступала за то, чтобы за основу новых рубежей был взят этнический критерий [6, т. 7, с. 203—204]. Советско-польское соглашение, заключенное 30 июля 1941 г., аннулировало договоры между СССР и Германией 1939 г., определявшие территориальный раздел Польши. Вместе с тем соглашение не содержало условия восстановления границы Рижского договора [6, т. 7, с. 208]. В результате вопрос был оставлен открытым.

Следствием расхождения сторон по проблемам границы и гражданства стало их отсутствие в подписанной В. Сикорским и И. Сталиным 4 декабря 1941 г. в Москве декларации о дружбе и взаимной помощи [6, т. 7, с. 257].

Заключенные в 1941 г. соглашения с СССР польское правительство рассматривало как временные, подлежащие ревизии с завершением военных действий. Над польскими политиками довлели стереотипы опыта Первой мировой войны. У них были расчеты, что Вторая мировая война значительно обескровит Германию и Советский Союз. Как следствие, Великобритания и США станут главными архитекторами послевоенного миропорядка.

Намерением И. Сталина в ситуации, когда откладывалось открытие второго фронта в Европе, являлось заставить западных союзников пойти на политические уступки. Признание западной границы СССР по состоянию на 1941 г. предлагалось им как одно из условий советско-британского договора о военном союзе. Польское правительство предпринимало активные меры противодействия этому при поддержке Лондона и Вашингтона. Встретив сопротивление союзников, И. Сталин отступил. Подписанный 26 мая 1942 г. договор СССР и Великобритании не содержал упоминания о советско-польской границе [20, т. 1, с. 237—240], что, впрочем, не вызвало недовольства в Кремле. Как заявил И. Сталин: «Это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах... будем решать силой» [см.: 13, с. 122—123].

В целях консолидации антифашистских сил руководством СССР реанимировалась идея боевого единства славянских народов. Носившая преимущественно пропагандистский характер, она вместе с тем отражала и реальные намерения советской внешней политики. Под

эгидой объединения СССР в борьбе против германского агрессора ставилась задача противостоять антисоветским геополитическим проектам, разрабатывавшимся прежде всего в среде польского лондонского лагеря: правительства, политических и военных партий, организаций эмиграции и подполья, поддерживавших его. Реализовывать эти планы было предназначено образованному в Москве в октябре 1941 г. Всеславянскому антифашистскому комитету, в состав которого вошли коммунисты и представители левых сил славянских народов. Пропагандистская деятельность Комитета сыграла определенную роль в усилении международного сопротивления фашизму. Вместе с тем идея единославянского фронта как организации ультранационального движения была утопией, поскольку продолжали действовать и тенденции межславянского противостояния [3, с. 13].

Национальные проблемы занимали важное место также в политике польского эмигрантского правительства. Опубликованная в июле 1941 г. декларация принципов правительства провозглашала, что Польша будет демократическим государством, основанным на равенстве всех граждан без различия расы, вероисповедания и национальности. Этническим меньшинствам обещали предоставить возможность свободного политического, социального и культурного развития [39, с. 95].

Как одну из серьезных угроз для своей деятельности польское правительство воспринимало советский панславизм [38, т. 4, с. 85]. В связи с этим в геополитических проектах польского лондонского лагеря развивалась идея образования союза государств Восточной и Центральной Европы между Балтийским, Адриатическим и Черным морями в результате разгрома или паралича в итоге войны Германии и СССР [38, т. 4, с. 107; 39, с. 84]. Коалиция, в которую входили как славянские (включая и белорусский), так и неславянские народы, должна была создать мощный орган, способный выдержать натиск «восточного и германского империализмов». Ведущая роль в планируемой унии отводилась Польше как государству наиболее зрелому и сильному, учитывая территорию, численность населения, экономическое, культурное развитие, исторические традиции [23, с. 30; 28, с. 169—182]. Популярными были концепции об исторической и мессианской роли Польши, которая несколько сотен лет распространяла на белорусских и украинских землях христианскую и западную цивилизацию, оказавшуюся под угрозой уничтожения советами [28, с. 167—168; 38, т. 4, с. 82—93]. Наряду с признанием необходимости сохранения территориального минимума в соответствии с Рижским договором 1921 г. предполагалось, что граница Польши при благоприятной конъюнктуре должна пройти как можно дальше на восток [28, с. 181, 201—202].

Вопрос о суверенитете Украины и Беларуси возникал единственно с целью остудить желания притязаний руководства СССР на восточные территории Польши. Данные претензии могли быть предъявлены только в пользу Украины и Беларуси в случае приобретения ими действительной независимости [37, т. 3, с. 530].

Согласно аналитическим разработкам польского лондонского лагеря, не следовало опасаться избытка белорусского населения в Польше. Беларусь не имела условий для самостоятельной государственности, белорусский элемент был немногочисленным, с несформированным национальным самосознанием. Отмечались нехватка интеллигенции, отсутствие других необходимых условий: независимой Беларуси, открытых границ, выхода к морю и возможности для индустриализации [23, с. 30—31, 33, 36].

В связи с наметившимся переломом на фронте в пользу Красной Армии Москва приступила к разработке планов по расширению своего влияния на Центральную и Восточную Европу. Препятствием на этом пути оставалась бескомпромиссная позиция правительства В. Сикорского. Исходя из этого на рубеже 1942—1943 гг. Советским Союзом был взят курс на свертывание отношений с польским союзником. Следствием этого стала активизация противоборства между сторонами в дипломатических нотах и на страницах печати, в центре которого были проблемы границы и гражданства. В ноте от 16 января 1943 г. советское правительство заявило, что поляки, которые находились на территории Советского Союза, лишались польского гражданства и становились гражданами СССР [6, т. 7, с. 342—343]. Данное заявление вступало в противоречие с советско-польскими соглашениями 1941 г.

Польский премьер искал поддержки своей позиции у У. Черчилля и Ф. Рузвельта. В. Сикорский предлагал оказать давление на Москву, угрожая прекращением поставок по ленд-лизу. Однако его усилия были тщетны [32, с. 1, с. 259—260]. В Лондоне и Вашингтоне в целом начинали принимать подходы руководства СССР по спорным проблемам с польским правительством. Свидетельством этому стали переговоры в США английского министра иностранных дел Э. Идена с Ф. Рузвельтом в марте 1943 г. На них было достигнуто неформальное соглашение по вопросам государственно-территориального устройства послевоенной Европы, в том числе советско-польской границы [27, с. 101].

13 апреля 1943 г. германское радио сообщило об обнаружении в Катынском лесу под Смоленском массового захоронения польских военнопленных офицеров, расстрелянных НКВД в 1940 г. [41, с. 50]. После того как В. Сикорский обратился за разъяснением к руководству СССР, И. Сталин использовал это как предлог

для прекращения 25 апреля 1943 г. официальных отношений с правительством Польши [6, т. 7, с. 356—357]. В изменявшейся в пользу Советского Союза военно-политической обстановке Кремль больше не видел необходимости считаться с «неудобным» союзником, полностью завладев инициативой в решении советско-польских проблем.

С 1943 г. советское руководство ставило задачу радикального усиления партизанского движения, а также борьбы против польского сопротивления в западных областях БССР. Этим вопросам были посвящены постановления февральского V Пленума ЦК КП(б)Б 1943 г. [9, ф. 4п, оп. 20, д. 213, л. 296—297] и решения, принятые ЦК КП(б)Б 22 июня 1943 г. [9, ф. 4п, оп. 3, д. 1243, л. 64—65, 78—90]. Результатом реализации указаний руководства БССР стала переборка в Западную Беларусь крупных партизанских формирований. Состав советского партизанского движения в регионе в течение 1943 г. увеличился примерно в 3 раза, создав значительное превосходство над местными отрядами польской Армии Крайовой [2, с. 224—225].

В целях противостояния советскому партизанскому и подпольному движению и расширения своего влияния польское эмигрантское правительство и подчиненное ему подполье направляли из Великобритании и Центральной Польши в западные области Беларуси офицеров, эмиссаров военных, политических партий и организаций, а также отдельные вооруженные формирования. Однако их численность составляла несколько сотен человек, что было несопоставимо с массовой передислокацией советских отрядов [33, с. 360—363; 36, с. 446].

Дипломатия СССР в противоборстве с польским правительством использовала как весомый аргумент переброску советских формирований и активизацию их деятельности в Западной Беларуси. В сентябре 1943 г. представитель высшего командного состава США генерал А. Ведемейер обсуждал на встрече с польскими офицерами, аккредитованными при Объединенном штабе союзников, помощь оружием Армии Крайовой. А. Ведемейер, ссылаясь на информацию советской военной миссии в Вашингтоне, констатировал, что «восточные территории Польской Республики уже сейчас под оккупацией и под контролем Советской России, там действуют боевые организации и советские диверсанты и партизаны» [34, с. 65].

Характерно, что в тот же период (осенью 1943 г.) отчеты польского подполья информировали об «окончательном установлении сферы деятельности» структур, подчиненных коммунистической Польской рабочей партии, границами Генерал-губернаторства. Территориальное разграничение с советской стороной в соответствии с указаниями руководства СССР проходило по линии р. Буг [17, с. 329—330].

Важное значение для решения вопросов послевоенного устройства мира имели договоренности, принятые на Тегеранской конференции 28 ноября — 1 декабря 1943 г. лидерами СССР, США и Великобритании. В качестве советско-польской границы была признана линия Керзона [18, с. 148—151]. Итоги высшего форума в Тегеране знаменовали полный успех И. Сталина. Западные союзники пошли ему навстречу в санкционировании территориальных приращений СССР 1939—1940 гг. Утрачивая Белосточчину, Советский Союз приобрел более ценную в стратегическом отношении часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом.

Наступление Красной Армии и переход бывшей советско-польской границы побудили правительство Польши, возглавляемое тогда С. Миколойчиком, выступить 5 января 1944 г. с заявлением. В нем подтверждались права Польши на независимость, восстановление суверенной государственной власти на ее территории заключенными международными соглашениями, которые не могли быть изменены путем свершившихся фактов [6, т. 8, с. 14—15].

В ответном заявлении руководства СССР, опубликованном 11 января 1944 г., повторялось утверждение об установлении советско-польской границы в соответствии с волеизъявлением населения Западной Украины и Западной Беларуси, выраженным в ходе народных собраний в 1939 г. При этом впервые правительство СССР публично декларировало, что «не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона» [6, т. 8, с. 21—22].

19 марта 1944 г. состоялась встреча В. Молотова с послом Великобритании А. Керром. Представляя согласие правительства СССР на линию Керзона как уступку польской стороне, глава советского дипломатического ведомства констатировал: «В Белоруссии очень многие не соглашаются с тем, что такие районы, как, например, район Белостока, должны отойти к Польше. Таково мнение Председателя Совнаркома Пономаренко и других руководителей Белоруссии и белорусов, не говоря уже о жителях Белостокской области, где преобладает белорусское население» [12].

В действительности нет никаких сведений об обсуждениях СССР с органами власти и общественностью БССР вопроса о будущей границе. Белорусское руководство не оставляло надежды, что Белосточчина останется в составе Беларуси. Об этом свидетельствовало то, что весной 1944 г. ЦК КП(б)Б вел активную деятельность по подготовке к установлению советской власти после освобождения территории Белостокской области [24, с. 266—267].

Стратегическим планам Кремля были также подчинены решения о наделении советских республик внешнеполитическими полномочиями. 1 февраля 1944 г. Верховный Совет СССР принял закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних отношений и о преобразовании народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский» [7, с. 174]. Принятый закон провозглашал, что БССР получила право вступать в непосредственные отношения с зарубежными государствами, обмениваться с ними дипломатическими и консульскими представительствами. Несмотря на формальное преобразование БССР в субъект международных отношений, в условиях тоталитарного режима проводить какую-либо самостоятельную от союзного центра политику было нереально. Официально осуществление конституционных изменений декларировалось в интересах национального развития республик. На практике нововведения были подчинены реализации взятого курса на расширение влияния СССР на международной арене. Принятые законы использовались затем как юридическая основа для постановки вопроса о предоставлении союзным республикам членства в создававшейся ООН [15, с. 6–7].

Смысл документа для многих в мире сразу стал очевиден. Английская газета «Обсервер» 6 февраля 1944 г. писала, что последствиями предоставления дополнительных полномочий станет то, что украинцы и белорусы будут более настойчиво, чем прежде, предъявлять свои требования к Польше. При этом Кремль получит возможность играть роль доброжелательного арбитра в случае конфликта между сторонами [1, ф. 566, оп. 5, д. 7, т. 4, л. 193].

Подобные предположения высказал американский посол в СССР А. Гарриман, заявив, что можно ожидать выдвижения советскими республиками более «амбициозных национальных требований», чем руководством СССР, и тем самым усиления рычагов Москвы в политическом торге [29, р. 304].

В период, следующий за Тегеранским форумом, позиции польского эмигрантского правительства значительно ухудшились. Противостоять территориальным притязаниям СССР приходилось при возрастающем давлении Великобритании. Вместе с тем У. Черчилль инициировал возобновление советско-польского переговорного процесса. В ходе конференции в Москве в октябре 1944 г. С. Миколайчик пытался отстаивать свои постулаты, но неожиданно ему было доведено до сведения, что на встрече в Тегеране линия Керзона получила одобрение лидеров Великобритании и США [6, т. 8, с. 274]. Под давлением У. Черчилля польский премьер готов был признать линию Керзона в качестве будущей границы. Однако, вернувшись в Лондон, он не добился согласия членов своего кабинета и подал в отставку [32, cz. 2, s. 72, 80–81].

Сформированный 29 ноября 1944 г. новый Совет министров Польши Т. Арцишевского принял стратегию, которая опиралась на отрицание компромиссов с руководством СССР. В результате польское правительство окончательно потеряло какое-либо влияние на решение западных союзников [30, s. 573–578].

Тем не менее, изменение военно-политической обстановки в пользу СССР заставляло модифицировать стратегические концепции польского лондонского лагеря. Дезактуализированы были распространенные до 1944 г. великодержавные проекты территориальных приращений Польши на востоке. На повестку дня уже ставился вопрос о возможности сохранения советско-польской границы 1939 г. [39, s. 85; 41, s. 208].

Принимая во внимание бескомпромиссную позицию эмигрантского правительства, И. Сталин поступательно реализовывал «левицкую альтернативу» — поддержку в установлении власти в Польше просоветских политических сил. 1 января 1944 г. в Варшаве была образована Крайова Рада Народова в качестве временного парламента польского народа [6, т. 8, с. 11–13]. Следующим шагом в этом процессе стало создание 21 июля 1944 г. временного органа исполнительной власти Польского комитета национального освобождения (ПКНО) под предводительством Э. Осубка-Моравского [6, т. 8, с. 148].

Сразу после образования ПКНО в Москве были предприняты переговоры с его представителями, в повестке которых первоочередное место занял вопрос о границе, основывавшейся на линии Керзона. Польская делегация намеревалась получить от советской стороны дополнительные территориальные уступки, в частности в отношении Беловежской пуши, расположенной на востоке от линии Керзона. В результате упорства делегации ПКНО И. Сталин заколебался в своей позиции: «Что мне с вами делать, я должен еще раз посоветоваться с белорусами перед окончательным решением» [40, s. 204]. В действительности мнения представителей Беларуси, как и прежде, серьезно не принимались в расчет.

В итоге заключенное 27 июля 1944 г. за подписью В. Молотова и Э. Осубка-Моравского соглашение о советско-польской границе признавало за Польшей г. Беловеж с частью пуши [6, т. 8, с. 156–157]. Предварительное соглашение с ПКНО стало основой окончательного установления границы между Польшей и СССР, несмотря на продолжение войны и проводившиеся переговоры между участниками антигитлеровской коалиции.

На Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. руководителями СССР, США и Великобритании договоренность об установлении советско-польской границы была принята официально. Западные рубежи Советского Союза

определялись вдоль линии Керзона с отступлением от нее на некоторых участках от 5 до 8 км в пользу Польши [19, с. 251].

Польское эмигрантское правительство 13 февраля 1945 г. заявило о непризнании ялтинских договоренностей и расценило их как новый раздел Польши [38, t. 8, s. 238—239]. Однако протесты правительства в изгнании не принимались во внимание ни Москвой, ни западными союзниками. Война с Германией привела, вопреки необоснованным расчетам политиков польского лондонского лагеря, к укреплению могущества СССР. Союзные державы готовились к разгрому Японии. Значительная роль, которая отводилась в предстоявшей кампании Красной Армии, позволила Кремлю полностью завершить реализацию своих планов.

Заключительным этапом в процессе формирования советско-польской границы стал договор, подписанный в Москве 16 августа 1945 г. с Временным правительством национального единства Польши, также подконтрольным Кремлю, но уже имевшим международно-правовое признание. Договор подтверждал

установление границы вдоль линии Керзона и уступку дополнительно в пользу Польши части территории Беловежской пуши на участке Немиров — Яловка максимально на 17 км [6, т. 8, с. 541—542].

Таким образом, в период Второй мировой войны Беларусь оказалась в орбите активной международной политики. Ведущая роль в противостоянии Германии позволила СССР реализовать программу включения Восточной Европы в сферу своего влияния. В соответствии с ней была определена и западная белорусская граница.

Решение «белорусского вопроса» было подчинено геополитическим интересам государств антигитлеровской коалиции. Декларированные заявления как советского руководства, так и польского эмигрантского правительства о необходимости удовлетворения потребностей национального развития белорусского народа служили собственным политическим целям и не подкреплялись практическими действиями. Несмотря на весь драматизм событий, в период Второй мировой войны был осуществлен процесс воссоединения белорусской нации.

Список использованных источников

1. Архив внешней политики Российской Федерации.
2. Барабаш, В. В. Беларусь в советско-польских отношениях в период Второй мировой войны / В. В. Барабаш. — Гродно: ЮрСаПринт, 2017. — 398 с.
3. Волокитина, Т. Славянская идея в годы Второй мировой войны / Т. Волокитина // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XVIII міжнар. навук. канф., Гродна, 15—16 ліст. 2012 г. — Ліда, 2014. — С. 11—16.
4. Вялікі, А. Ф. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах 1944—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2010. — 248 с.
5. Документы внешней политики СССР. В 25 т. Т. 22—24 / редкол.: В. Г. Комплектов [и др.]. — М.: Междунар. отношения, 1992—2010.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / под ред. И. А. Хренова и В. Т. Ковальского. — М.: Наука, 1963—1985. — Т. 7: 1939—1943 гг. — 1973. — 510 с.; Т. 8: Январь 1944 г. — декабрь 1945 г. — 1974. — 680 с.
7. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва знеш. спраў Рэсп. Беларусь [і інш.]. — Мінск: БДУ, 1999—2010. — Т. 4: Чэрвень 1941 — жнівень 1945 г. / склад.: Н. М. Дзятчык [і інш.]. — 2001. — 394 с.
8. Мягков, М. Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941—1945 / М. Ю. Мягков. — М.: ИВИ РАН, 2006. — 278 с.
9. Национальный архив Респ. Беларусь.
10. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1989.
11. Печатнов, В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: док. очерки / В. О. Печатнов. — М.: Терра: Книжный клуб, 2006. — 752 с.
12. Прием английского посла Керра, 19 марта 1944 г. в 22 часа [Электронный ресурс] // СССР и союзники: документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции. — Режим доступа: <https://agk.mid.ru/DATA/6_6_15/00000122.jpg>. — Дата доступа: 12.12.2022.
13. Ржешевский, О. А. Сталин и Черчилль / О. А. Ржешевский. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. — 336 с.
14. Ржешевский О. Война и дипломатия: документы, комментарии (1941—1942) / О. Ржешевский. — М.: Наука, 1997. — 288 с.
15. Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН. 1944—1945 гг. / В. Е. Снапковский. — Минск: Навука і тэхніка, 1994. — 141 с.
16. Снапкоўскі, У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі 1944—1945 гг. / У. Снапкоўскі. — Мінск: Беларус. навука, 1997. — 207 с.
17. Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. В 3 т. Т. 1: Апрель 1943 г. — август 1944 г. Ч. 1: Апрель 1943 г. — март 1944 г. / отв. сост. О. К. Иванцова. — М.: МФД, 2018. — 864 с.
18. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: сб. док. В 6 т. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1984. — 175 с.
19. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: сб. док. В 6 т. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1984. — 302 с.
20. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: док. и материалы: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1983.
21. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. — Вільнюс: Ін-т беларусістыкі, 2006. — 877 с.
22. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. — Минск: Экопресс, 2011. — 416 с.

23. Archiwum A. Bienia. Akta narodowościowe (1942–1944) / pod red. L. Nowak [i inni]. — Kraków, 2001. — 551 s.
24. Boćkowski, D. Na zawsze razem. Białostoczczyzna i Łomżyńskie w polityce radzieckiej w czasie drugiej wojny światowej (IX 1939 – VIII 1944) / D. Boćkowski. — Warszawa, 2005. — 333 s.
25. Ciechanowski, J. Powstanie Warszawskie. Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego / J. Ciechanowski. — Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1984. — 534 s.
26. Duraczyński, E. Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne / E. Duraczyński. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. — 636 s.
27. Eberhardt, P. Polska granica wschodnia. 1939–1945 / P. Eberhardt. — Warszawa: Ed. spotkania, 1993. — 224 s.
28. Giedroń, M. Wizja Polski w myśli politycznej PPS-WRN, SL, SN, i SP w latach 1939–1945 / M. Giedroń. — Szczecin: Wyd. Naukowe uniwersytetu Szczecińskiego, 2003. — 238 s.
29. Harriman, W. A. Special envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946 / W. A. Harriman, E. Abel. — New York, 1975. — 596 p.
30. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X–XX w.). W 5 t. T. 5 / pod red. W. Michowicza. — Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1999. — 845 s.
31. Karski, J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945 od Wersalu do Jałty / J. Karski. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. — 548 s.
32. Kowalski, W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945): w 2 cz. / W. Kowalski. — Warszawa: Książka i wiedza, 1985.
33. Krajewski, K. Uderzeniowe Bataliony Kadrowe 1942–1944 / K. Krajewski. — Warszawa: Instytut Wyd. PAX, 1993. — 608 s.
34. Mitkiewicz, L. W najwyższym sztabie zachodnich aliantów 1943–1945 / L. Mitkiewicz. — London: Veritas, 1971. — 295 s.
35. Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945. W 3 t. T. 3 / W. Pobóg-Malinowski. — Londyn, 1986. — 930 s.
36. Polski czyn zbrojny w II wojnie światowej. Polski ruch oporu 1939–1945 / red. B. Kołbuszewski [i inni]. — Warszawa: MON, 1988. — 1238 s.
37. Polskie dokumenty dyplomatyczne. W 3 t. T. 3: 1941 / red. J. Tebinka. — Warszawa: PISM, 2013. — 976 s.
38. Protokoły z posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej: zb. dok.: w 8 t. / pod red. M. Zgórnika. — Kraków: Secesja, 1994–2008.
39. Przybysz, K. Polska myśl polityczna 1939–1945. Zarys problematyki / K. Przybysz. — Warszawa: Oficyna Wyd. ASPRA, 2000. — 266 s.
40. Puacz, E. Sprawa granic Polski w układach między Polskim Komitetem Wyzwolenia Narodowego i ZSSR / E. Puacz // Zeszyty Historyczne. — 1969. — Z. 15. — S. 202–204.
41. Słownik historii Polski 1939–1948 / pod red. A. Chwałby i T. Gąsowskiego. — Kraków: Księgarnia akademicka, 1996. — 256 s.
42. Ślusarczyk, J. Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945 / J. Ślusarczyk. — Toruń: Wyd. A. Marszałek, 2000. — 376 s.
43. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej: zb. dok. / komitet red.: T. Cieślak [i inni]. — Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1965. — 837 s.
44. The Great Powers and the Polish Question 1941–1945. A documentary Study in Cold War Origins / ed. by A. Polonsky. — London: London School of Economics and Political Science, 1976. — 282 p.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2023 г., доработана в июне 2023 г.